

— Да на что там смотреть, они все одинаковые.

Сердце Ся Цинлу пропустило удар, и он, не долго думая, начал выталкивать Чу Ваннаня из комнаты:

— Иди, иди уже, посмотри, чем там заняты тетя Лю и господин Чэнь.

Он явно пытался сменить тему, но Чу Ваннань уперся ногами в пол, и Ся Цинлу, как ни пыхтел, не смог сдвинуть его ни на сантиметр.

Чу Ваннань обернулся и спросил в лоб:

— Ты в последнее время опять что-то натворил и боишься мне признаться?

Он слишком хорошо знал это состояние Ся Цинлу. Обычно такое случалось, когда тот совершал какую-нибудь оплошность и теперь до смерти боялся расспросов, а потому молчал всякую чушь, лишь бы не касаться сути.

Если бы в этот момент за окном пролетела птица, Ся Цинлу непременно ткнул бы в неё пальцем со словами: «Ха-ха, гляди, какая огромная птица!», а затем обеими руками вцепился бы в голову Чу Ваннаня, заставляя его смотреть куда угодно, только не на него самого.

К несчастью, птиц снаружи не наблюдалось, а тараканы, которые порой забредали в дом, как назло, исчезли без следа.

Стоя перед Чу Ваннанем под его пристальным, пронизывающим взглядом, Ся Цинлу внезапно ощутил небывалый прилив смелости и смекалки.

— Ладно, так и быть, скажу. На самом деле, я сделал из твоей фотки мем.

Ся Цинлу заискивающе улыбнулся. Увидев, как лицо Чу Ваннаня сменило выражение с недоумения на мрачную решимость, инстинкт самосохранения заставил его медленно отступать назад.

— Ты сам настаивал, так что меня не вини... А-а-а! Папа, папа! Спасай! — Ся Цинлу припустил наутек, вопя на бегу.

Чу Ваннань бросился вдогонку:

— Стоять!

— Я что, дурак — останавливаться? — обернулся Ся Цинлу, и в этот миг длинная рука Чу Ваннаня почти ухватила его за шиворот. Он в ужасе отпрянул: — Папа! Если не спасешь сына сейчас, он сегодня здесь и скончается!

Пока Ся Цинлу и Чу Ваннань носились по всему дому, за закрытой дверью кабинета Ся Тин вздохнул так, будто вмиг постарел на десять лет. С невозмутимым видом он надел наушники, отсекая шум, зашел в телефон и опубликовал пост в соцсети:

«Сын с другом снова устроили в гостиной погром. Рабочая обстановка нарушена, сегодня беру выходной».

Стоило ему нажать «отправить» и обновить страницу, как посыпались комментарии:

1L: С первого взгляда: что, опять воюют? Как мило! Со второго: учитель, только не это! Не вздумайте отдыхать! Вы забыли, что ваши интернет-дети сегодня еще не "кушали"?

2L: Учитель, мы хоть и советуем вам больше отдыхать, но не в буквальном же смысле...

3L: Новая работа только началась, как вы смеете, мастер?

Были и другие комментарии:

164L: Я здесь впервые. Почему мне кажется, что сын автора и его друг детства — отличная пара?

165L: Можешь полистать старые посты автора, после этого тебе покажется, что они еще более "канонные".

...

321L: Ха-ха, я вернулась! Старые посты мастера создают полное ощущение ссорящейся парочки. До чего же мило!!

322L: Мило-то мило, но сестренки, давайте не будем слишком много об этом писать. Шамкаем себе тихонечко в сторонке и больше внимания уделяем творчеству нашего учителя Дунцзюэ /сердечко.

323L: Хорошо-хорошо, спасибо за напоминание.

***

Ся Цинлу, оглашавший дом воплями, так и не дождался спасителя. Чу Ваннань прижал его к дивану одной рукой, верша правосудие.

— Я виноват, честно, — извинялся Ся Цинлу, чья щека была вжата в мягкую обивку дивана, отчего слова выходили невнятными.

Чу Ваннань не проявил ни капли жалости. Свободной рукой он начал шарить у него по карманам.

Это было фатально: Ся Цинлу до смерти боялся щекотки. Стоило кому-то лишь занести руку над чувствительным местом, как он уже начинал непроизвольно дергаться и хохотать.

Хотя его шея была зажата тяжелой ладонью, а Чу Ваннань навалился сверху, Ся Цинлу умудрялся извиваться, как червяк. Лицо его покраснелось, из глаз брызнули слезы от смеха:

— Щекотно! Щекотно! Не трогай, умоляю!

Чу Ваннань выудил телефон, и функция распознавания лица тут же сработала. Он зашел в галерею: там было полно снимков из поездки — как приличных, так и сделанных исподтишка.

Самой первой шла фотография, которую Чу Ваннань раньше не видел, и которую Ся Цинлу уже успел обработать.

На снимке Чу Ваннань почему-то стоял с ледяным лицом и крайне раздраженным видом, а над его головой красовались два ярко-красных слова: «Чё вылупился?».

Прекрасно.

Чу Ваннань одним движением удалил это фото и принялся листать дальше.

Ся Цинлу, прижатый к дивану, не видел, что происходит, и заметно занервничал:

— Ты всё посмотрел?

— Угу, — отозвался Чу Ваннань, не отрываясь от экрана.

Такой спокойный?

Ся Цинлу места себе не находил. Чем дольше Чу Ваннань молчал, тем тревожнее становилось на душе. В конце концов он зажмурился:

— Раз уж всё увидел, то хоть скажи, жить мне или умирать!

Вид у него был такой, будто он собрался на плаху.

Чу Ваннань отложил телефон. Увидев зажмуренные глаза и мелко дрожащие от волнения ресницы друга, он не выдержал и усмехнулся.

Он поднял телефон:

— Открой глаза. Голову выше.

Ся Цинлу рефлекторно открыл глаза и увидел, что Чу Ваннань его фотографирует.

— Стой! Что ты там снял? — Ся Цинлу снова начал елозить, отчаянно пытаясь вернуть телефон и посмотреть, какой уродливый кадр получился.

Чу Ваннань отредактировал фото, приписав сверху слово «Прострация». На снимке Ся Цинлу вскинул голову на зов, и его взгляд был абсолютно отсутствующим, что вызывало невольную улыбку.

Чу Ваннань был в хорошем расположении духа:

— Сделаю мем и на тебя.

Он не просто сделал мем, но и отправил его себе на телефон, сохранив в памяти.

Ся Цинлу беспомощно обхватил свой мобильник, лицо его выражало праведный гнев:

— Ты форменный грабитель.

От мысли, что у Чу Ваннаня теперь есть на него компромат, он будет ворочаться полночи. До чего же обидно!

Он свернулся калачиком на диване, бросая на друга обиженные взгляды.

Чу Ваннань:

— Еще раз сделаешь со мной мем — перешлю этот Е Чангуану.

Ся Цинлу смотрел на телефон в его руке (свой «смертный приговор») и не смел перечить.

Но стоило Чу Ваннаню отвернуться, как он прыгнул ему на спину, обхватив ногами талию, а одной рукой — шею, чтобы не упасть. Другой рукой он вцепился в телефон:

— А ну отдай!

Действие было слишком внезапным, а ударная сила — велика. Чу Ваннань не был готов и едва не потерял равновесие. Устояв, он вытянул руку с телефоном подальше, чтобы Ся Цинлу не дотянулся.

— Ся Цинлу, слезай!

— Отдай телефон — тогда слезу!

— Мечтай больше.

Они снова начали бороться. Чу Ваннань чувствовал, как руки и ноги на его шее и талии сжимаются всё сильнее. На виске у него вздулась вена. Он повернул голову, чтобы предупредить Ся Цинлу:

— Если сейчас же не слезешь, я...

Что-то мягкое коснулось его щеки. Чу Ваннань замер, и фраза оборвалась на полуслове.

Ся Цинлу не заметил его замешательства. Используя друга как опору, он изо всех сил потянулся вперед и наконец сцапал телефон.

— Попался! — он так гордился собой, что не мог скрыть широкую улыбку. В глазах плясали искорки, похожие на блики солнца в слепополуденном лесу.

Чу Ваннань впервые заметил, что, когда Ся Цинлу так смеется, у него видны два чуть заостренных клыка.

Ся Цинлу продолжал ликовать:

— Сейчас я его удалю, и больше ты не сможешь мне угрожать.

Эти слова привели Чу Ваннаня в чувство. Он молча заставил Ся Цинлу слезть.

Только тогда тот заметил его молчание и недоуменно спросил:

— Ты чего?

— Ничего.

Странное чувство внутри заставило Чу Ваннаня прекратить потасовку:

— Удалил? Если удалил — верни телефон.

Станный какой-то.

Ся Цинлу что-то буркнул под нос, уже открыв галерею. Он украдкой глянул на выражение лица Чу Ваннаня, немного помучился сомнениями и в итоге просто сунул телефон ему в руки, махнув ладонью.

— Ладно, не буду удалять.

Чу Ваннань снова опешил.

Помедлив, Ся Цинлу вспомнил об осторожности и предупредил:

— Только не смей пересылать это Е Чангуану!

Чу Ваннань посмотрел на экран, затем на него, явно удивленный:

— Не будешь удалять?

— Не буду, не буду.

Нельзя больше об этом говорить, иначе он не выдержит и точно всё сотрет.

Чу Ваннань не знал, что сказать. И из-за этого маленького происшествия, которое Ся Цинлу даже не заметил, и из-за того, что он внезапно осознал: Ся Цинлу пугающе чутко реагирует на его состояние.

Всего по одному выражению лица он понял, что настроение друга изменилось.

Раньше Чу Ваннань не придавал этому значения. Они выросли вместе, знают друг друга как облупленных — разве не естественно замечать малейшие перемены в поведении?

Но сегодня он почему-то зацепился за эту мысль. Хотя зачем за неё цепляться — он и сам еще не понял.

Пока он размышлял, Ся Цинлу воровато поглядывал на него. Он явно хотел что-то сказать, долго терпел и наконец не выдержал — потянул друга за рукав и смущенно промямлил:

— Слушай... а давай я тебя тоже сфотографирую?

Он изо всех сил пытался звучать убедительно:

— Понимаешь, так будет честно: у тебя один мем на меня, у меня один на тебя. А то если ты вдруг скинешь мой мем Е Чангуану, что мне делать?

Чу Ваннань: ...

Он берет свои слова о «пугающей чуткости» обратно.

Ся Цинлу вовсе не чутко уловил его эмоции — он просто почуял опасность и мгновенно струхнул. А теперь, видя, что с другом вроде как можно договориться, снова начал прощупывать почву.

Сложные мысли Чу Ваннаня развеялись после этого нелепого предложения. Он решил, что просто слишком много думает.

Они с Ся Цинлу друзья детства, он видел его в не самом приглядном виде еще когда тот пешком под стол ходил. Подумаешь, случайно коснулся щеки... то есть, губы мазнули по лицу. Ерунда.

В голове Чу Ваннаня всплыла картина из детства: маленький Ся Цинлу с голым задом бежит к

нему от реки, прижимая к себе огромную рыбу и восторженно хохоча. Бежит слишком быстро, спотыкается, падает, и дядя Ся в тревоге поднимает его — перепачканного, ошарашенного и без одного переднего зуба.

Чу Ваннань не сдержал улыбки.

Ся Цинлу: ?

Чего это он на меня как на дурачка смотрит? Я что-то не то сказал?

Чу Ваннань положил тяжелую ладонь ему на голову, хорошенько взъерошил волосы, превращая прическу в птичье гнездо, и лениво бросил:

— Дурень.

Ся Цинлу... Ся Цинлу вскипел!

Он выпрямился, выставил Чу Ваннаня за дверь, а напоследок встал на цыпочки, чтобы хоть как-то сравняться с ним ростом. Лицо его приняло выражение холодное и беспощадное, как у торговца рыбой, заносащего нож над уловом:

— Тебе конец. Не смей заходить ко мне целую неделю.

Затем он с грохотом захлопнул дверь, подчеркивая степень своей ярости.

Стоило двери закрыться, как «холодность» мгновенно испарилась. Он приник к дверному глазку, чтобы посмотреть на реакцию друга.

Чу Ваннань стоял на месте, задумчиво глядя на дверь и нахмутив брови.

Ся Цинлу: Неужели он почувствовал вину?

Чу Ваннань поднял руку, будто собираясь постучать.

Ся Цинлу: Хочет извиниться? Ни за что! В этот раз я ни за что не открою, я сама суровость /солнечные очки.

Чу Ваннань опустил руку и ушел.

Ся Цинлу с разочарованием: Чего так быстро? Вообще-то, если бы он извинился, я бы мог дать ему шанс.

Но все эти смены настроений меркли перед запоздалым восторгом, накрывшим его с головой.

Е-е-е!

Ся Цинлу сжал кулак, мысленно хваля себя, и в радости запрыгал по комнате, кружась в обнимку с диванной подушкой.

Он обвел Чу Ваннаня вокруг пальца!

Кризис миновал, небо за окном стало синее, воздух — чище, и даже заросшее щетиной лицо отца, осунувшееся после ночной работы, казалось теперь красавцем.

Ся Тин: ...

— Ты не мог бы убрать руки от моего лица и закрыть дверь с той стороны?

Ся Цинлу отпустил его щеки и искренне, от всего сердца сказал:

— Пап, ты у меня всё-таки крутой. Настоящий красавец!

На этом лице, которое было на семьдесят процентов похоже на его собственное, даже неухоженная борода смотрелась стильно. А значит, когда он сам состарится, тоже будет самым крутым дядькой.

Ся Цинлу привычно похвалил себя в мыслях и, напевая под нос, вышел, оставив отца в полном недоумении.

Он что, деньги где-то нашел? Раз такая радость, может, и мне пойти поискать?

<http://bllate.org/book/17132/1605580>